

1

Мы переехали во Флориду как раз на рождественские каникулы. А неделю спустя я впервые услышал вой на болотах.

С тех пор этот жуткий звук повторялся каждую ночь. Я просыпался, и долго не мог уснуть, и сидел на постели, затаив дыхание и обнимая себя руками, чтобы унять дрожь.

В окне белела полная луна — словно заштрихованный белым мелом круг на фоне черного ночного неба. Я смотрел на луну и напряженно прислушивался...

И пытался понять, что за зверь издает этот ужасный вой?

И еще я никак не мог определить расстояние. Впечатление было такое, что вой раздается прямо у меня под окном.

Он становился то громче, то тише. Как полицейская сирена. И это был не печальный вой. Нет. В нем слышалась угроза.

И злоба.

Для меня он звучал словно предостережение. Держись подальше от этих болот. Ты здесь чужой.

Но давайте все по порядку.

Когда мы только-только переехали в наш новый дом во Флориде, мне не терпелось разведать местность. Здесь есть на что посмотреть. Наш поселок расположен в лесной глуши, а дом стоит едва ли не на болотах. Первые дни я только и делал, что стоял на заднем дворе и рассматривал болота в бинокль. Бинокль мне подарил папа. На день рождения. Когда мне исполнилось двенадцать.

Итак, я смотрел на болота. Там росли какие-то деревья с тонкими белыми стволами. Их широкие плоские листья перекрывали друг друга, и получалась такая зеленая крыша, которая практически не пропускала солнечный свет. Поэтому болота все время находились в тени. Издалека тень казалась синеватой.

У меня за спиной тревожно топтались олени. Папа держал их в загоне, закрытом проволочной сеткой. Я слышал, как они топчутся по песку и трутся рогами о стенки загона.

Мне надоело смотреть на болота. Я опустил бинокль и навел его на оленей. Собственно, из-за них мы и переехали сюда, во Флориду.

Мой папа, Майкл Такер,— ученый-биолог. Он работает в Университете штата Вермонт в Берлингтоне. А это, можете мне поверить, совсем не близко от болот Флориды.

Недавно папа ездил в Южную Америку и привез оттуда шесть оленей. Они называются барасинга, или болотные олени, и не похожи на обычных оленей. Ну, они совсем не такие, как Бэмби. Шерсть у них рыжая, а не бурая. А копыта очень большие. И на них есть такие штуки вроде перепонок. Наверное, чтобы им было удобней ходить по влажной болотистой почве.

Папа хочет проверить, смогут ли эти олени из Южной Америки прижиться во Флориде. Он собирается прикрепить к каждому маленький радиопередатчик и выпустить их на болота. На волю. Они будут жить-поживать, а папа будет их изучать в условиях, что называется, дикой природы.

Когда папа сказал нам, что мы переезжаем во Флориду из-за этих болотных оленей, мы все взбесились. Нам не хотелось уезжать из Берлингтона.

Моя сестра Эмили плакала несколько дней. Ей уже шестнадцать, и ей не хотелось бросать старую школу в последний год. Я тоже не был в восторге. Не хотел расставаться с друзьями.

Мама тоже поначалу упиралась. Но отец быстро склонил ее на свою сторону. Мама у нас тоже ученый-биолог. Они с папой совместно работают над различными научными проектами. Так что в конце концов она поддержала его идею с оленями и переездом.

И тогда они уже вдвоем насели на нас с Эмили. Пытались нас убедить, что такой шанс выпадает раз в жизни. Что глупо было бы просидеть всю жизнь на одном месте и ничего больше не повидать. Тем более что нам обязательно понравится во Флориде. И мы еще долго будем вспоминать это захватывающее приключение.

В общем, мы все-таки переехали.

Мы поселились в лесной глуши. В маленьком белом коттедже на самом краю болота. Это действительно был конец света. До ближайшего городка можно было добраться только на машине. Помимо нашего коттеджа, здесь стояло еще пять-шесть. Таких же белых и маленьких, как и наш. На заднем дворе папа соорудил загон

для оленей. Так что среди обитателей поселка мы стали известны как обладатели шести непонятных копытных зверюг. Жаркое флоридское солнце нещадно палило с утра до ночи. А сразу за нашим задним двором — благо, он был немалых размеров — тянулись бесконечные унылые болота.

Мне надоело смотреть на оленей, и я снова навел бинокль на болота.

— Ой.— Я даже вскрикнул от неожиданности, когда на меня из бинокля уставились два черных глаза. Я опустил бинокль и просто посмотрел на болота, щурясь от яркого солнца. По самому краю болота важно расхаживала какая-то большая белая птица с длинными и тонкими ногами.

— Это журавль,— сказала Эмили у меня за спиной.

Я и не слышал, как она подошла. Я обернулся. На сестре была белая майка и красные джинсовые шорты. Эмили у нас очень высокая и худая. Она сама чем-то похожа на журавля. Тем более что волосы у нее светлые, почти белые. И очень длинные. Обычно она собирает их в хвост.

Птица развернулась и направилась в глубь болот.

— Пойдем за ним,— предложил я.

Эмили надула губки. С тех пор как мы сюда переехали, это полусердитое-полулюбимое выражение вообще не сходило с ее лица.

— Неохота. Жарко.

— Да ладно тебе. Пойдем.— Я потянул ее за руку.— Интересно же, что там делается на болотах. Давно пора было пойти на разведку.

Она покачала головой.

— Мне правда не хочется, Грэди.— Она поправила свои темные очки, чтобы они не съез-

жали с носа.— Сейчас почта придет. А я жду письма.

Ближайшее почтовое отделение находилось в соседнем городке, куда, как я уже говорил, можно было добраться только на машине. Поэтому почту нам привозили два раза в неделю. А в промежутках Эмили только и делала, что ждала писем.

— От Мартина ждешь письма? Любовной записочки? — улыбнулся я. Эмили бесит, когда я дразню ее Мартином. Мартин — это ее ухажер из Берлингтона. Ну и конечно, я стараюсь ее подколоть при первой удобной возможности.

— Может быть.— Эмили протянула руку и взъерошила мне волосы. Она знала, что я ненавижу, когда мне лохматят прическу.

— Ну пожалуйста, Эмили,— умоляюще протянул я.— Давай сходим. Мы далеко не пойдём.

— Эмили, сходи погуляй с Грэди,— вклинился в разговор папин голос.

Мы и не заметили, как папа вошел в загон. Он держал в руках большой перекидной блокнот и переходил от оленя к оленю, делая там какие-то пометки.

— Сходи погуляй,— повторил он, обращаясь к Эмили.— Все равно тебе делать нечего.

— Но, папа...— Эмили, если захочет, может разжалобить кого угодно.

Но на этот раз папу не проняло.

— Погуляй с братом, Эмили,— повторил он с нажимом.— Тем более что это очень интересно. И уж точно увлекательнее, чем стоять на жаре и спорить.

Эмили снова поправила темные очки. Они у нее постоянно съезжали с носа.

— Ну...

— Класс! — завопил я. Я был просто в щенячьем восторге. Никогда в жизни я не был на настоящем болоте.— Пойдем! — Я схватил сестру за руку и потащил за собой.

Эмили скорчила кислую физиономию и неохотно поплелась за мной.

— Какое-то у меня предчувствие нехорошее,— пробормотала она.

— Да что с нами может случиться?! — отмахнулся я и едва ли не бегом направился к болотам под сенью низких корявых пальм.

В лесу было жарко и сыро. Влажный воздух как будто лип к коже. Широоченные листья низеньких пальм нависали над самой тропинкой, так что я едва не дотягивался до них пальцами, если приподнимался на цыпочки. Густые кроны загораживали свет, но кое-где лучи солнца все-таки проникали сквозь листья и ложились на землю яркими желтыми пятнами.

Я пожалел, что не надел джинсы. Я был в шортах, и шершавые листья папоротников царапали мне голые ноги. Тропинка вилась сквозь заросли. Эмили шла впереди, а я старался не отставать от нее ни на шаг. У меня на шее болтался бинокль. Шея уже начала затекать. Вообще-то он не тяжелый, бинокль. Но лучше бы все-таки я оставил его дома.

— Здесь так шумно,— сказала Эмили, переступая через трухлявое бревно, перегораживающее тропинку.

И точно. В лесу было шумно. Вообще-то я думал, что на болотах должно быть тихо.

Но нет. Наверху щебетали птицы. Сначала вступала одна, потом ей отвечала другая.

Повсюду жужжали и щелкали насекомые. Откуда-то из глубины леса слышалось бесконечное тук-тук-тук. Как будто кто-то бил молоточком по дереву. Наверное, дятел. Пальмовые листья покачивались на ветру и шуршали. Стволы то и дело потрескивали. Наши с Эмили шаги влажно хлюпали по заболоченной мягкой земле.

— Эй, смотри.— Эмили указала вперед. Она даже сняла темные очки, чтобы лучше видеть в полумраке.

Мы вышли к какому-то маленькому озерцу почти правильной овальной формы, скрытому в глубокой тени. Вода в нем была темно-зеленой. На поверхности белели кувшинки. Их широкие изумрудные листья выделялись яркими пятнами на фоне темной воды.

— Как красиво,— сказала Эмили, смахнула с плеча большого жука и протянула руку вперед.— Посмотри, какое здесь классное освещение. Надо будет вернуться сюда с фотоаппаратом и сделать несколько снимков.

Я проследил взглядом за ее рукой. Ближайшая к нам половина озера была скрыта в густой тени. Но дальняя половина была на свету, который словно струился вниз со стволов деревьев. Казалось, что вода на той стороне подернута тонкой светящейся дымкой.

— Да, круто,— согласился я.

Вообще-то меня не прикалывают пруды и озера.

Меня больше интересуют растения и животные.

Но я терпеливо постоял с Эмили у озерца, давая ей возможность повосхищаться лилиями и изумительным освещением. Потом мы обошли озеро и углубились дальше в болота.

Земля была мягкой и влажной. Впечатление было такое, как будто идешь по пружинящему

хлюпающему ковру. У нас над головой бесшумно кружили комары — целый рой мелких кровососов, пляшущих в косых лучах солнца.

— Ненавижу комаров,— пробормотала Эмили.— Ненавижу. Стоит мне только на них посмотреть, сразу чешусь.— Она почесала руку.

Впереди на тропинке лежало заросшее мхом бревно. А за бревном... что-то стремительно промелькнуло в высокой траве. Мы с Эмили даже не разглядели, что именно.

— Ой, что там такое? — воскликнула Эмили, хватая меня за локоть.

— Крокодил! — завопил я дурным голосом.— Голодный и злой крокодил!

Сестра испуганно вскрикнула.

Я рассмеялся.

— Что с тобой, Эм? Это была просто ящерица какая-то.

Эмили ущипнула меня за руку.

— Ну ты и дурак, Грэди,— пробормотала она и опять почесала себе плечо.— Мне надоело бродить по болотам. Тут такой воздух... я вся чешусь. Может, пойдём домой?

— Давай ещё погуляем. Пожалуйста.

— Нет, мы и так уже погуляли. Я хочу домой.— Она взяла меня за руку и потянула, но я вырвал руку.— Грэди...

Я развернулся и быстро пошел вперед. В глубь болот. Сверху снова раздалось ритмичное тук-тук-тук. Листья низеньких пальм тихонько шелестели на ветру. Пронзительный писк насекомых стал громче.

— Ты как хочешь, а я направляюсь домой,— пригрозила мне Эмили.— Вот останешься тут один, будешь знать.

Я спокойно шел дальше. Я знал, что она никуда не уйдет. Она просто пугала меня, и все.

У меня под ногами шуршали сухие листья.

Эмили вздохнула и поплелась за мной. Я шел вперед, не оглядываясь. Я и так знал, что сестра идет следом. Слышал шорох листьев у нее под ногами.

Еще одна ящерица перебежала тропинку, едва не задев меня. Она так быстро скрылась в кустах, что я не успел даже толком ее разглядеть.

Тропа неожиданно пошла в гору. Вскоре мы с Эмили оказались на вершине низкого холма — на заросшей высокой травой поляне, освещенной солнцем.

Пот ручьями стекал у меня по лицу. Воздух был таким влажным, что казалось, будто я не иду сквозь него, а плыву.

На самой вершине холма мы с Эмили остановились и огляделись по сторонам.

— Смотри, тут еще одно озерцо! — Я указал на густые заросли желтой болотной травы, которые подступали к самой воде.

Только это озерцо было совсем не таким, как первое.

То озеро было спокойным. А это тихонько бурлило и пенилось. И вода здесь была не прозрачной, а мутной и очень густой, как гороховый суп-пюре. И она издавала противные звуки: какие-то булькающие причмокивания и вздохи.

Я подошел к самому краю воды, чтобы лучше рассмотреть это «чудо природы».

— Грэди, это трясина! — в ужасе закричала Эмили.

А потом чьи-то руки схватили меня сзади за плечи и толкнули вперед.

Прямо в трясину.

Я начал падать в бурлящий зеленый «суп», но тут те же руки обхватили меня за талию и потащили назад.

Эмили рассмеялась.

— Ага, испугался?! — гаркнула она мне в ухо.

Она прижимала меня к себе, не давая развернуться и треснуть ее по башке.

— Эй... отпусти! — рассердился я.— Ты меня едва не утопила в трясине! Это совсем не смешно.

Она отсмеялась и наконец отпустила меня.

— Никакая это не трясина, балбес,— пробормотала она.— Это торфяник.

— Чего? — Я тупо уставился на булькающую зеленую воду.

— Торфяник,— повторила сестра, глядя на меня с таким видом, словно я был полным идиотом.— Торфяное болото. В школе вас этому не учили? Или ты просто не усвоил из-за врожденной тупости?

— Что еще за торфяное болото? — пробурчал я, не обращая внимания на ее оскорбление. Эмили у нас всезнайка. Такая ходячая энциклопедия. Она вечно выпендривается, что она